

Тревожная демография

Бахытжан Ауельбеков

Часть I

Демографические факторы в наши дни оказывают все большее и большее влияние на мировые процессы. Резкое снижение рождаемости на Западе, отчаянное перенаселение в странах «третьего мира», взрывной рост населения планеты за последние сто с небольшим лет и ограниченность земных ресурсов, «экологическая бомба» – все эти проблемы, сплетясь в единый узел, способны свергнуть человечество в череду непреходящих катаклизмов, следующих один за другим. Скажем, мы в последние два года были свидетелями «арабских революций», но многие ли понимают, что одной из причин, приведшей к столь бурным событиям, является резкий рост рождаемости в арабских странах в последние десятилетия и, как следствие, перенакопление в них потенциально взрывной массы – безработной молодежи. Неконтролируемая рождаемость – ограниченные ресурсы государства – ограниченные возможности обеспечить занятость молодежи – обнищание – неспособность властей справиться с проблемами – общее недовольство – социальный взрыв. Это не единственная причина социально-экономических потрясений, охвативших Ближний Восток, здесь сыграл свою роль целый комплекс факторов, но и она имеет место, причем немаловажное.

Закономерности, которым подчиняются демографические процессы, слабо изучены и почти не поддаются регулированию. Тем не менее, следует внимательно присматриваться к тому, в каком направлении они движутся, хотя бы для того, чтобы уметь спрогнозировать более или менее отдаленное будущее и принимать заблаговременные меры к встрече тех проблем, с которыми мы очень скоро столкнемся. Это касается как отдельных стран, так и всего человечества в целом.

От чего зависит число людей на Земле? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем обратиться к остальному «населению» планеты. Человек существо хотя и разумное, но все-таки биологическое, и подчиняется тем же законам, что и другие биологические виды. А известно, что любые виды бактерий, растений, животных, попав в благоприятные условия, увеличивают свою численность по экспоненте, пока не будет достигнут такой уровень, при котором дальнейшее увеличение невозможно. Человек унаследовал эту биологическую особенность. Всякий раз, когда условия улучшались – осваивалась охота на крупных животных, возникали земледелие, скотоводство или заселялись новые территории, – численность людей возрастала.

Было три глобальных всплеска численности людей. Первый – в конце плейстоцена, порожденный освоением охоты на крупных животных и расселением охотников. Второй – около 10 тысяч лет назад, после открытия земледелия, позволившего людям увеличить свою численность в двадцать-тридцать раз. Третий же связан с начавшейся промышленной революцией. Он продолжается в наши дни. Успехи науки и техники позволили увеличить площадь обрабатываемых земель в два-три раза, урожайность – в семь раз. Население Земли увеличилось в двадцать раз.

Ученые считают, что десять тысяч лет назад на Земле было примерно 10 миллионов людей, к началу нашей эры их стало примерно 200 миллионов; к 1650 году, условному началу промышленной революции – порядка 500 миллионов; к XIX веку – 2 миллиарда. К 1990 году население планеты составило уже 5,3 млрд. человек, увеличившись только за 15 лет на 1,5 млрд. К концу XX века оно уже перевалило за 6 млрд. и продолжает расти – мы увеличиваемся на 2 процента в год. Чтобы достигнуть первого миллиарда, человечеству потребовалось более миллиона лет. И в этот момент началась промышленная революция.

Второй миллиард был достигнут за сто лет, третий – за сорок, четвертый – за пятнадцать, пятый – за десять, а шестой – за считанные годы, еще до конца второго тысячелетия. Это называется демографическим взрывом.

В наше время число людей удваивается за тридцать пять лет. А производство пищи на Земле растет на два и три десятых процента в год, со временем удвоения тридцать лет. Численность человечества, как и всякого биологического вида, строго следует за увеличением количества пищи. Однако поддерживать такой темп в добывании пищи становится все труднее. Это видно из того, что связанное с производством пищи потребление энергии возрастает на пять процентов в год, со временем удвоения четырнадцать лет. Потребление воды возрастает на семь процентов в год, со временем удвоения десять лет. Производство удобрений – тоже на семь процентов в год, а ядохимикатов – на десять процентов.

Такой рост обеспечивается тем, что человек использует запасы угля, нефти, газа и минерального сырья, накопленные за всю предшествующую историю биосферы. Запасы их конечны и невозобновимы, и поэтому нынешнее относительное благополучие человечества ограничено во времени. И если спросить биолога, что будет, когда ресурсы кончатся, он ответит однозначно: произойдет сокращение численности населения Земли до уровня, обеспечиваемого возобновляемыми ресурсами. Так было бы с любым видом. Но человек изобретателен, поэтому утверждать, что численность человечества упадет, скажем, до первобытного уровня, мы не имеем оснований. Однако человек – все же существо биологическое, и поэтому рост населения бесконечным быть не может.

Зададимся вопросом: а насколько человек рассчитана наша планета? Оказывается, на этот несколько странный вопрос биологи могут ответить вполне определенно. Дело в том, что биосфера устроена вполне «разумно». В ней довольно строго соблюдается зависимость между размерами организмов, потребляющих органическую пищу, и их численностью. Главную роль в потоках вещества и энергии в биосфере играют мелкие организмы, крупные же – вспомогательную.

Человек вместе с домашними животными нарушил эту зависимость, превысив свою долю в биосфере. Но биосфера – саморегулирующаяся система, и она стремится вернуть численность людей к дозволению уровню. А он в тридцать раз ниже современного, по подсчетам биологов – двести миллионов на всю планету. И вымирание нужных человеку видов, и невключение в биосферные круговороты производимых нами загрязнений, и падение продуктивности ценных для нас экосистем – все это может быть понято как действие обратной связи, действие биосферного механизма, стремящегося ограничить рост человечества.

Пока человек вооружен ископаемыми источниками энергии, у него есть возможность противостоять давлению. Но когда эти источники исчерпаются, неограниченно долгое стабильное существование человека может обеспечить только солнечная энергия. Однако реалистические оценки показывают, что даже при наиболее полном использовании солнечной энергии (частично прямо, в энергетических установках, частично же в форме урожая, поедаемого людьми и домашними животными), без ущерба для биосферы удастся использовать только около одного процента мощности биосферы. Это в десять раз меньше современного энергопотребления человечества. За счет энергии Солнца сможет существовать неограниченно долго лишь около 500 миллионов человек, потребляющих на душу населения столько же энергии, сколько потребляется в среднем в мире сейчас.

Снижение численности населения называют демографическим коллапсом. Коллапс может иметь несколько форм. Во-первых, его причиной может быть голод, вызванный сокращением пищевых ресурсов. Этот путь хорошо известен. И сейчас на планете, как считают социологи, только примерно 500 миллионов человек имеют пищу в избытке, а более двух миллиардов питаются плохо или вообще голодают. За год от голода умирает 20 миллионов человек. Если число умирающих от голода возрастет всего на порядок, рост численности остановится; если возрастет еще, численность начнет сокращаться. Люди

будут умирать «где-то далеко и не часто», мировое сообщество может делать вид, что не замечает этого. Таков самый биологичный и самый нежелательный вариант.

Второй вариант не биологический: одна из ядерных держав попытается захватить источники невозобновляемых ресурсов, а другие начнут с ней ядерную войну. Можно надеяться, что политики не допустят постановки этого сценария. Третий вариант сугубо политический: страны сознательно вводят ограничения рождаемости и постепенно сокращают численность населения. Этот путь малоэффективен. Плодовитость людей определяется биологическими механизмами, и поэтому до сих пор попытки государственного стимулирования или ограничения рождаемости повсюду оказались безрезультатными, но вызывали очень сильный протест людей.

Наконец, четвертый вариант предполагает, что у людей, как и у других биологических видов, есть механизмы контроля над численностью. И это – один из самых интересных вопросов в науке о демографии: есть такие механизмы у человека или их нет?

Сегодня биологи уже имеют представление о том, как биосфера «осаживает» избыточно размножившиеся виды растений или животных. Такой вид начинает испытывать давление со стороны среды обитания и составляющих ее сожителей: его пищевых объектов, конкурентов и потребителей (все это называют первичными факторами). В результате количество пищи сокращается. Если данный вид растений из-за своей высокой численности потребляет из почвы слишком много питательных веществ, почва обедняется. Если данный вид животных начинает усиленно потреблять растения или животных излюбленных им видов, их численность сокращается. Эта реакция среды понятна всем. И как всем известно, что популяции людей время от времени испытывали подобное с древности до наших дней.

С исчезновением лучших объектов питания ухудшается и качество пищи. Наш вид переключается на использование той, к которой он менее приспособлен. Этот путь тоже всем знаком – вспомним хотя бы хлеб с добавлением травы и коры в голодные годы. Из-за этого у животных нарушается энергетический баланс. Чем меньше пищи, тем больше времени и энергии тратится на ее добывание. И эти траты перестают покрываться заключенной в пище энергией. Недоедание усугубляется снижением активности. Этот эффект полностью проявляется и в недоедающих популяциях человека. И хорошо известно, насколько охватывающая голодающих людей апатия усугубляет голод и затрудняет борьбу с ним.

Избыточная плотность популяции усиливает нагрузку на среду обитания. Она не успевает восстанавливаться, становится все менее пригодной, причем не только для данного вида, но и для других, ему полезных. Ухудшать свою природную среду обитания могут и бактерии, и дикие растения, и животные (вспомните хотя бы водоем в конце «цветения» сине-зеленых водорослей или лес после вспышки численности шелкопрядов). Человек при избыточной численности тоже ухудшает свою среду обитания: обедняются охотничьи угодья, выедаются и вытаптываются пастбища, хиреют плодовые деревья, истощаются пашни и т. п.

Напротив, для видов-конкурентов эти изменения благоприятны, и их численность возрастает. На борьбу с конкурентами требуется все больше времени и энергии. Главные конкуренты человека в наше время – вредители сельского хозяйства и сорняки. Рост производства ядохимикатов и гербицидов на десять процентов в год – самый высокий среди экономических показателей человеческого хозяйства, результат все более напряженной борьбы с конкурентами. Причем в наше время больше всего пестицидов и ядохимикатов применяют как раз страны, страдающие от нехватки продуктов питания. Богатые же страны могут позволить себе отдавать часть урожая конкурентам, сравнительно немногочисленным при правильном ведении сельского хозяйства, выращивать пищу с низким содержанием ядохимикатов и даже вообще без них.

Высокая численность вида-прокормителя создает благоприятные условия для размножения, питания и перемещения всех видов – потребителей его биомассы.

Размножаются хищники и паразиты, возбудители болезней легко передаются от особи к особи. Часто одного этого оказывается достаточно, чтобы сократить численность вида, иногда в сотни и тысячи раз. Этот механизм действует и на человека, но в меньшем масштабе: эпидемия чумы в Европе в XIV веке за два года сократила население в два раза. Однако вирус СПИДа обладает всеми необходимыми качествами для образования пандемии такого рода или большего размаха. Картина регуляции первичными факторами была понятна биологам еще в XIX веке. Она хорошо известна и демографам человека. Но от того, что этот механизм нам известен, он не перестал действовать и не стал менее грозным. Вид всякий раз плодится до тех пор, пока не исчерпает ресурсы, после чего его численность сокращается прямым действием внешних факторов.

Но в природе есть и иные виды, заблаговременно снижающие рост своей численности при приближении ее к пределу. Они улавливают увеличение давления среды по различным сигнальным факторам. И у них есть способы заблаговременно регулировать свою численность. Изучение таких видов – достижение современной экологии, малоизвестное или совсем неизвестное читателям. Крайне важно понять, регулируется ли численность человека только первичными (так считает большинство экологов) или к тому же еще и сигнальными факторами? Этот вопрос – один из самых дискуссионных в среде экологов, однако широкая публика не имеет о нем никакого понятия, хотя он представляет исключительный интерес, а для разработки долгосрочной экономической политики государства, например, вообще имеет первостепенную важность. Итак, регулируется ли численность населения Земли кроме всего прочего еще и сигнальными факторами?

Около четверти века назад (в 1990-м году) журнал «Знание – сила» опубликовал на эту тему интереснейшую статью, которая и в наши дни не только не потеряла своей актуальности, но даже, пожалуй, приобретает все большую значимость. Автор, доктор биологических наук В. Дольник, много лет занимался демографией человека и пришел к некоторым выводам, общего признания пока не получившим, хотя они давно подтверждены практикой, а оспорить их вообще очень трудно, если вообще возможно.

В. Дольник пишет о том, как он «вздрыгнул чуть более двадцати лет назад, когда во время беседы с пионером американской экспериментальной экологии Чарлзом Кенди, тот, ухмыльнувшись, положил на стол рукопись, которая называлась «Экология человека как биологического вида». Оказалось, мы оба подозреваем, что регуляция сигнальными факторами есть». Далее автор продолжает: «Шли годы, и изредка встречаясь, мы говорили об этом все решительнее. Но вот Ч. Кенди не стало. И я обязан конспективно изложить, что мы с ним надумали». Как каким же выводам пришли В. Дольник и Ч. Кенди в ходе своих изысканий? Взгляды этих двух исследователей сводятся примерно к следующему.

Как известно, численность животных на территории ограничивается тем из факторов среды, который оказался в минимуме. Это может быть пища, но могут быть и места размножения или пригодные для жизни незанятые участки. Эти условия различны в разных местах, а в одном месте меняются с течением времени. Поэтому биологическая емкость среды обитания непостоянна. Популяция имеет много каналов, по которым получает информацию о том, какова емкость в данный момент, и может реагировать на полученные сведения изменения своей плотности. Но многие виды животных реагируют на свою плотность и непосредственно, оценивая ее по частоте контактов с другими особями и их характеру. Главное в таких механизмах – изменением поведения усилить воздействия первичных факторов, то есть среды.

Многим видам животных присуща агрессивность. Этот биологический термин можно перевести на простой язык как «настырность». При общении особь стремится психически подавить другую особь. При росте плотности популяции агрессивность животных возрастает. Более «настырные» начинают чаще и сильнее угнетать менее «настырных». Этот эффект агрессивных стычек изучен подробно как в природе, так и в экспериментальных группах. Он сопровождается определенными изменениями в поведении животных.

Во-первых, менее агрессивные особи начинают испытывать страх перед общением с другими. Участвовавшие контакты ужесточаются, и поэтому субъективное ощущение, что «нас стало слишком много», опережает действительный рост плотности, выступает как предваряющий сигнал. В популяции увеличивается доля животных, попавших в состояние стресса и неврозов. Эти долго не живут и зачастую не размножаются. Человек – вид с агрессивным поведением и стремлением к иерархической структуре. Это всем хорошо известно по себе: долгое пребывание в людных местах повышает раздражительность, провоцирует стычки и подавляет психику.

Во-вторых, в условиях скученности у животных снижается запрет на то, что принадлежит другим. Так, агрессивные особи начинают нарушать границы участков соседей, отнимать пищу, гнезда, норы, удобные места. Подавленные животные, конечно, ничего не отнимают, но пытаются похитить незаметно, чего раньше не делали. Комфортность, качество жизни популяции в результате этого падают быстрее, чем растет ее плотность.

В-третьих, доминантные животные при возрастании агрессивности не подпускают к пище остальных. В популяции появляются голодающие, люди в таких условиях ведут себя похоже, некоторые из них захватывают избыток продуктов питания, а остальным они достаются в недостаточном количестве.

В-четвертых, у подавленной части популяции снижается забота о собственной гигиене и поддержании в чистоте мест обитания. Часто можно своими глазами увидеть, какими неопрятными становятся животные, еще совсем не истощенные. Читатель-горожанин мог это наблюдать хотя бы у голубей зимой – на одном и том же месте кормятся грязные, озябшие, растрепанные птицы и красавцы с ухоженным оперением. Чтобы содержать себя в порядке, голубю нужно меньше одного часа в день. Неужели эти несчастные не могут его найти? Нет, время есть, но желание пропало. Именно такие, опустившиеся, подавленные животные становятся носителями инфекций и паразитов. Они способствуют вспышке эпизоотий. А эпизоотии сокращают численность. И этот механизм проявляется и в человеческих сообществах, где всегда при скученности или недоедании появляются опустившиеся люди.

Все описанные изменения в поведении преследуют одну цель – заранее расщепить популяцию на оставленную выжить и обреченную на вымирание части. И при этом, во-первых, не ослаблять оставленную и, во-вторых, ускорить вымирание остальных. «Только упрямец не согласится, что описанный механизм ограничения численности срабатывает и в людских популяциях. Как и многие биологические механизмы, он, с нашей точки зрения, беспощаден и жесток. В такие периоды общество обычно вводит жесткий контроль за распределением. Но, вводя контроль, оно тем самым действует в рамках все того же механизма, ибо разделяется на тех, кто распределяет, и тех, кому распределяют» (В. Дольник).

Стрессовое состояние приводит к подавлению агрессивности у «ненастырных» особей настолько, что у них угнетается стремление отстаивать свои участки обитания и перевешивает обратное стремление, инстинктивная программа которого есть у многих видов – стремление к скучиванию, образованию агрегаций, стай, стад и т. д. Этот эффект резко увеличивает плотность особей в объединении, во много раз усиливая эффект сравнительно небольшого возрастания численности. Агрегации у разных видов принимают разные формы. Здесь интересны две из них.

Первая такова. У находящегося в стрессовом состоянии поколения рождаются потомки, которые не могут жить так, как жили их родители, скажем, оседло на своих индивидуальных участках. Эти молодые особи объединяются в группки, группки – в стаи, а те – в гигантские орды. По мере объединения возрастает стремление куда-то двигаться. Орды молодежи покидают территорию популяции и вторгаются на чужие, в том числе и негодные для жизни территории. Там они погибают. Кто читал о нашествиях саранчи или леммингов, тот представляет себе эту картину. Экспериментально доказано, что для того

чтобы у саранчи родилось такое потомство, достаточно расставить на ее участке зеркала. Видя много своих отражений и конфликтуя с ними, саранча откладывает яйца с активированной альтернативной программой. В менее развитой форме такое поведение есть у очень многих млекопитающих и птиц. Цель нашествия – выбросить за пределы переуплотняющейся популяции избыточное молодое поколение. Поведение участвующих в нашествии особей иное и в отношении самосохранения – они становятся как бы бесстрашными, не боятся погибать.

Вторая форма регуляции менее драматична. Особи собираются в плотные группы, и группы эти либо кочуют, либо держатся на одном месте. В таких группах животные или совсем не размножаются, или размножаются очень ограниченно, меньше, чем нужно для воспроизводства. У насекомых описаны случаи, когда, собравшись в группы, они перестают даже питаться. Исходным стимулом для такого поведения служит как высокая плотность сама по себе, так и невозможность найти индивидуальный участок. Зачастую главным занятием в таких группах становится разного рода общение, свойственное виду, но гипертрофированное.

У людей скупивание принимает несколько форм, но самая мощная из них – урбанизация, собирание людей в городах. Достоин удивления, что в гигантских городах, в отличие от маленьких, плодовитость горожан во втором поколении падает настолько, что не обеспечивает естественного воспроизводства. Город засасывает из деревни молодежь с высокой потенциальной плодовитостью и снижает ее обычно до уровня около 0,7 дочери на мать. Так было в Древнем Риме времен империи, так и теперь повсюду – от Нью-Йорка или Мехико до Москвы и Санкт-Петербурга, Токио или Сингапура. Все города без притока людей извне сокращали бы свою численность примерно в два раза в течение всего двух поколений. Здесь возникают как бы демографические «черные дыры».

Тут уместно вспомнить, что безудержный рост городов ныне происходит не в индустриальных странах с низкой рождаемостью, а в странах Азии, Африки и Латинской Америки, для которых характерна высокая рождаемость. И во многих из этих стран стекающиеся в города-гиганты люди совсем не обязательно «находят себя», а часто просто влачат бессмысленное существование. Урбанизация может быть самым естественным, простым и безвредным путем регуляции рождаемости в современном мире и в мире будущем. Для социолога или для демографа это неожиданный и небесспорный вывод, но прежде чем отвергать его, надо понять биолога: город для него, – несомненно, какая-то форма агрегации, и он знает от демографа, что в городах рождаемость ниже компенсирующей ее смертности. Отсюда биологи (во всяком случае, некоторые из них) делают вывод, что чем бы еще ни были города для людей, для чего бы ни возникали, попутно они срабатывают как регулирующий фактор.

Третий способ заблаговременного снижения численности у животных связан с изменением структуры брачных и семейных отношений и отношения к потомству. Зачастую при возрастании численности, потомство перестает быть главной ценностью для популяции. Это проявляется и в избегании размножения, и в откладке яиц куда попало, и в снижении заботы о потомстве и даже в его умерщвлении и поедании. Лишенные достаточной родительской заботы, детеныши (в том числе и у обезьян) вырастают нерешительными или агрессивными, они испытывают затруднения в образовании пар, часто устойчивых пар не образуют, в свою очередь плохо заботятся о потомстве. Все это ведет к снижению рождаемости и повышению смертности.

Происходит и изменение в отношениях брачных партнеров. У видов, для которых норма – парный брак с совместной заботой о потомстве, при повышении плотности популяции часть самцов остается холостыми, так как им не хватает участков. Образуется избыток и холостых самок, и они пристраиваются на участках других семей. О потомстве приспособившихся к паре самок самцы не заботятся, и те выкармливают его одни. Но «мансипированная» самка способна вырастить в два с лишним раза меньше потомков по сравнению с самкой, имеющей самца. Как известно, и в человеческих популяциях

женщины могут эмансипироваться от мужчин в выращивании потомства. У человека эмансипация тоже приводит к снижению плодовитости женщин. В наше время это один из самых очевидных механизмов снижения рождаемости. И не только в наше время. Вспомним эмансипацию в Древнем Риме и настойчивые, но безрезультатные призывы уже первых цезарей к римлянкам рожать больше детей, не заменять их собачками, ручными львятами и обезьянками.

«Есть основания думать, что у людей так же, как и у некоторых других видов, действуют естественные биологические механизмы саморегуляции численности и поддержания ее на оптимальном уровне. Среди них есть и жесткие, вроде расслоения сообществ, и совершенно безобидные, вроде установки на однодетную семью. Даже один этот механизм способен снижать численность вдвое за 35 лет» (В. Дольник). Беда в том, что человек – вид с самой медленной сменой поколений – оказался в то же время видом, способным наиболее быстро изменять окружающую среду, ее емкость.

Сознательное управление рождаемостью не работает. Так, численность французов стабилизировалась около ста лет назад. С тех пор в стране не раз проводились кампании стимуляции рождаемости. Применялись и призывы, и запугивания отстать от других народов, и материальные стимулы, и уголовная ответственность за аборт. Но все безрезультатно. Вот уже более сорока лет в ряде стран, в том числе в Индии, государство применяет все возможные в наше время методы, чтобы снизить рождаемость, но тоже безрезультатно. Время от времени то тут, то там сообщается, что удалось повлиять на рождаемость, но потом оказывается, что это была либо естественная флуктуация, либо кратковременно удалось обмануть небольшую часть людей. Пример СССР показывает, что одни и те же постановления кратковременно стимулировали рождаемость тех народов, у которых она и без стимуляции высока, в Средней Азии, например, но не влияли на рождаемость народов со стабильной или уменьшающейся численностью, – например в Прибалтике.

Единственная страна в мире, в которой действительно удалось повлиять на рождаемость – снизить ее – это Китай. Но добиться этого удалось жесткими административными мерами, благодаря тому, что КПК тотально контролирует государство. А результат получился такой, что просто пугает, мы еще будем говорить об этом. Методы материального стимулирования рождаемости населения нигде и никогда не давали ни малейшего эффекта. Проще говоря, люди рождаются по биологическим, а не по экономическим законам.

«Таким образом, человечество сегодня не способно регулировать свою рождаемость сознательными действиями, хотя каждый отдельный человек может это делать, человечество в целом и составляющие его популяции в этом отношении остаются нормальным биологическим видом. Демографический взрыв, экологический кризис и ожидаемый демографический коллапс содержат в себе хорошо знакомые биологам экологические процессы. В популяциях человека продолжают действовать в сильно замаскированной форме, естественные механизмы регуляции численности и их действие меняет наше поведение, минуя индивидуальное и коллективное сознание» (В. Дольник).

Любопытные рассуждения, правда? Можно соглашаться или не соглашаться с гипотезой В. Дольника и Ч. Кенди что рождаемость у человека кроме всего прочего регулируется еще и сигнальными факторами. Но неоспоримо то (это давно и хорошо известно), что уровень рождаемости у горожан уже во втором поколении падает ниже уровня естественного воспроизводства. Уж с этим-то не поспоришь. Это знают и демографы, и социологи, и историки, и вообще все, кто интересовался подобными вопросами. Население любого крупного города – это, по существу, вымирающее население. Существовать города могут только за счет притока людского массива из сельской местности. Так было во все времена и во все эпохи. Но в прежние эпохи абсолютное большинство населения проживало именно в сельской местности, а потому перед тем или иным народом не стояла угроза исчезнуть с лица земли в силу

естественных причин. В последние же лет сто с небольшим во всех развитых странах население урбанизировалось и стало стремительно стареть и буквально вымирать. В странах же «третьего мира» большинство населения – сельское, а потому демографический взрыв там не прекращается.

Кстати говоря, считается, что у мусульман очень высокая рождаемость. Но это неверно. У мусульман-горожан в целом рождаемость такая же низкая, как и у горожан любой другой конфессии. А демографический взрыв в исламских странах обеспечивается за счет сельского населения. Здесь играют роль не религиозные, а совсем иные факторы. Похоже, что жизнеспособны только аграрные цивилизации. Урбанизовавшиеся же обречены на скорое исчезновение. Отсюда следует интересный вывод: нация, заинтересованная с сохранении самой себя на длительный исторический период, должна стремиться к тому, чтобы подавляющая часть ее населения проживала в сельской местности, где рождаемость всегда повышена в сравнении с рождаемостью в городах. Проще говоря, сельское население должно быть предметом особой заботы и внимания со стороны государства, заботящегося о своем будущем. Следует прилагать самые энергичные усилия для того, чтобы для сельских жителей жизнь у себя дома была более привлекательной, чем жизнь в городе.

(Окончание следует)